

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Актуальные социально-психологические подходы в исследовании остракизма

Ф.А. Егоров^{1, 2✉}

¹ Специальная (коррекционная) школа № 1708, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ kof2001@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Остракизм, как феномен социального исключения, игнорирования и отвержения, остается ключевым объектом междисциплинарных исследований в связи с его деструктивным влиянием на психическое здоровье, социальную адаптацию и правовую стабильность. Несмотря на значительный прогресс в изучении механизмов и последствий остракизма, сохраняется потребность в систематизации современных данных, отражающих динамику исследований в условиях цифровизации и культурной глобализации. Актуальным становится не только анализ текущих достижений, но и идентификация лакун, требующих углубленного изучения. **Цель.** Обобщить актуальные исследования остракизма, выделив ключевые направления научного поиска, сформулировать перспективные векторы для дальнейших исследований, ориентированные на междисциплинарный подход.

Гипотеза. Обобщение актуальных исследований остракизма позволит выделить ключевые направления научного поиска и сформулировать перспективные векторы для дальнейших исследований, ориентированные на междисциплинарный подход. **Методы и материалы.** Проведен систематический обзор более 300 исследований (1985–2023), акцент сделан на исследования 2023–2025 гг. из баз PubMed, PsycINFO, Scopus, eLibrary в соответствии с принципами PRISMA. Критерии включения: эмпирические/теоретические работы, посвященные остракизму в психологическом, социологическом или междисциплинарном контексте.

Результаты. Систематизация современных исследований остракизма позволила выделить ключевые направления: цифровые формы исключения, характеризующиеся анонимностью и масштабом воздействия; культурно обусловленные реакции (эмоциональный дистресс в коллективистских обществах, компенсаторная агрессия — в индивидуалистических); правовые

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

стратегии, требующие интеграции психологических данных для профилактики кибербуллинга и социальной дезинтеграции. **Выводы.** Результаты показывают необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего психологию, культурологию и право, для разработки адаптивных интервенций. Перспективными направлениями являются изучение викарного остракизма в цифровых средах, создание алгоритмов ИИ для выявления паттернов исключения и проведение кросс-культурных лонгитюдных исследований.

Ключевые слова: остракизм, исключение, отвержение, игнорирование, цифровой остракизм, эксклюзия

Для цитирования: Егоров, Ф.А. (2025). Актуальные социально-психологические подходы в исследовании остракизма. *Психология и право*, 15(3), 179—192.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150312>

Current socio-psychological approaches in the study of ostracism

F.A. Egorov^{1,2}✉

¹ Special Correctional School № 1708, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ kof2001@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Ostracism, as a phenomenon of social exclusion, remains a key focus of interdisciplinary research due to its destructive impact on mental health, social adaptation, and legal stability. Despite significant progress in understanding the mechanisms and consequences of ostracism, there remains a need to systematize contemporary data reflecting evolving research dynamics in the context of digitalization and cultural globalization. It becomes imperative not only to analyze current advancements but also to identify gaps that demand deeper investigation.

Objective. To synthesize current research on ostracism, identify key directions in scholarly inquiry, and propose interdisciplinary-focused avenues for future research.

Hypothesis. Summarizing current research on ostracism will enable the identification of key directions in scientific inquiry and the formulation of promising avenues for future research, guided by an interdisciplinary approach. **Methods and materials.** A systematic review of over 210 studies (1985—2023) was conducted, with emphasis on works from 2023—2025 sourced from PubMed, PsycINFO, Scopus, and eLibrary databases, adhering to PRISMA guidelines. Inclusion criteria: empirical/theoretical studies addressing ostracism in psychological, sociological, or interdisciplinary contexts. **Results.** Systematization of contemporary research on ostracism revealed three key directions: Digital forms of exclusion, characterized by anonymity and large-scale impact; Culturally conditioned responses (e.g., emotional distress in collectivist societies vs. compensatory aggression in individualistic ones); Legal strategies requiring integration of psychological insights to prevent cyberbullying and social disintegration. **Conclusions.** The findings underscore the necessity of an interdisciplinary approach combining psychology, cultural studies, and law to develop

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

adaptive interventions. Promising future directions include: Investigating the role of bystanders in digital environments; Developing AI algorithms to detect exclusion patterns; Conducting cross-cultural longitudinal studies.

Keywords: ostracism, exclusion, rejection, ignoring, digital ostracism, exclusion

For citation: Egorov, F.A. (2025). Current socio-psychological approaches in the study of ostracism. *Psychology and Law*, 15(3), 179—192. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150312>

Введение

Постановка проблемы. Остракизм, как феномен социального исключения, игнорирования и отвержения, является одним из ключевых объектов междисциплинарных исследований в связи с его деструктивным влиянием на психическое здоровье, социальную адаптацию и правовую стабильность (Бойкина, 2023; Baumeister, Leary, 1995; Lei et al., 2024; Williams, Cheung, Choi, 2000; Hartgerink, 2015). Несмотря на значительный прогресс в изучении механизмов и последствий остракизма, сохраняется потребность в систематизации современных данных, отражающих динамику исследований в условиях цифровизации и культурной глобализации (Бойкина, 2023; Williams, Cheung, Choi, 2000; Markus, Kitayama, 1991). Актуальным становится не только анализ текущих достижений, но и идентификация лакун, требующих углубленного изучения.

История вопроса. Исследования остракизма эволюционировали от классических работ, фокусирующихся на базовых потребностях (Baumeister, Leary, 1995) и групповой динамике (Tajfel, Turner, 1979), к комплексному анализу цифровых форм исключения (Telesca, Telari, 2024) и кросс-культурных вариаций (Yan, Zhu, Zhang, 2024). Методологические прорывы, такие как использование виртуальных платформ (Williams, Cheung, Choi, 2000; Бойкина, Чиркина, 2020), позволили изучать краткосрочные и долгосрочные эффекты отвержения. В последние годы акцент сместился на роль наблюдателей — викарный остракизм (Sun, Hommel, Ma, 2023), влияние анонимности в онлайн-средах (Chen et al., 2025) и связь остракизма с кибербуллингом (Ding et al., 2024).

Актуальность. Остракизм, как неизменная реальность социального взаимодействия, остается критически значимым феноменом в условиях цифровизации и глобализации, провоцируя антисоциальное поведение, аутоагрессивное поведение, эмоциональный дистресс и иные негативные эффекты. (Telesca, Telari, 2024; Chen et al., 2025; Xing, Kuo, 2024; Salancik, Pfeffer, 1978; Walther, 1996; Ding, Zhao, Zhang, 2024). Несмотря на прогресс в изучении его механизмов, недостаточно систематизированы данные о цифровых формах исключения, культурной вариативности реакций, а также психолого-педагогических стратегий профилактики.

Данная работа актуальна в рамках исследования в области психологии безопасного поведения и деятельности субъектов образовательных отношений и разработки методов и технологий безопасного развития личности в образовательной среде.

Новизна. Статья представляет собой систематический обзор исследований 2023—2025 гг., в ней выделяются следующие ключевые направления: 1) связь между остракизмом и антисоциальным поведением; 2) цифровизация остракизма и его специфика в онлайн-средах; 3) культурная обусловленность реакций на исключении; 4) роль наблюдателей в эскалации или смягчении последствий; 5) последствия остракизма. Новизна работы заключается в синтезе

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

разрозненных данных, выявлении исследовательских трендов и формулировке перспективных областей для дальнейших изысканий.

Цель статьи — обобщить актуальные исследования остракизма, выделив ключевые направления научного поиска, и сформулировать перспективные векторы для дальнейших исследований, ориентированные на междисциплинарный подход.

Материалы и методы

Настоящий систематический обзор выполнен в соответствии с принципами PRISMA (англ., Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses) и охватывает публикации на английском и русском языках за период 2000—2025 гг. Поиск литературы осуществлялся в базах данных PubMed, PsycINFO, Scopus, Web of Science и eLibrary с использованием ключевых слов: «социальный остракизм», «эксклюзия», «отвержение», «киберостракизм», «нейробиология отвержения», «социокультурные факторы остракизма». Критерии включения: эмпирические и теоретические работы, посвященные социальному остракизму в контексте психологии, социологии, нейронаук или междисциплинарных исследований; исследования, опубликованные в рецензируемых журналах. Категоризация материалов проводилась по дисциплинарной принадлежности, методологическому подходу (экспериментальные, лонгитюдные, качественные) и уровню анализа (индивидуальный, групповой, институциональный). Особое внимание удалено работам, предлагающим интегративные модели или представляющим критический анализ. В первичный анализ вошло более 300 источников, но ввиду ограничений к публикации для данной работы отобрано 42 источника. При подборе источников был сделан акцент на работах, посвященных остракизму и написанных в 2023—2025 гг.

Результаты

Антисоциальные реакции на остракизм

Многочисленные исследования в области социального остракизма подтверждают позицию о связи остракизма с антисоциальным поведением (Бойкина, 2023; Мартынова 2016; Lei et al., 2024; Hartgerink, 2015; Pang, Wang, Lin, 2024). Социальный остракизм выступает мощным фактором, способствующим развитию антисоциального поведения, которое противоречит правовым, морально-этическим и культурным нормам во всем разнообразии его форм проявления. Этот эффект объясняется рядом психологических механизмов, включая снижение самооценки, чувство отвержения, угрозу базовым потребностям, что делает данное направление исследований значимым для понимания социальных отклонений и их влияния на правовую, образовательную, социальную сферы.

Многолетние исследования подтверждают, что остракизм активирует защитные механизмы, которые проявляются в антисоциальных формах поведения. Так, Е.Э. Бойкина в своем анализе демонстрирует, что у подростков, подвергающихся социальному исключению, усиливаются агрессивные тенденции и склонность к уходу в себя (Бойкина, 2023). Эти реакции связаны с восприятием остракизма как угрозы социальной идентичности и базовым человеческим потребностям, что, согласно теории принадлежности R.F. Baumeister и M.R. Leary, нарушает психологическое благополучие индивида (Baumeister, Leary, 1995).

J. Pang с коллегами выявили, что остракизм может способствовать предпочтению одиночества, что также может коррелировать с антисоциальными чертами (Pang, Wang, Lin,

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

2024). Лица, подвергающиеся исключению, могут избегать социальных контактов, что усиливает их изоляцию и формирует замкнутый цикл, где одиночество становится одновременно причиной и следствием антисоциального поведения. Этот процесс особенно выражен у индивидов с низкой стрессоустойчивостью или повышенной чувствительностью к социальным сигналам: Y. Lei с коллегами подчеркивают роль индивидуальных различий, показывая, что остракизм усиливает социальную изоляцию через снижение самооценки, особенно у лиц с высокой чувствительностью к отвержению (Lei et al., 2024). Эти данные подтверждают, что личностные характеристики играют ключевую роль в формировании антисоциальных реакций на остракизм. Например, интроверты могут реагировать уходом в себя, тогда как экстраверты — проявлением агрессии или демонстративного поведения.

В исследованиях последних лет также возрастает интерес к источникам остракизма. J. Park и S.H. Lee обнаружили, что индивиды, инициирующие исключение, проявляют антисоциальные черты через необычные потребительские предпочтения, такие как выбор эксцентричных товаров, что может отражать стремление подчеркнуть свою уникальность или власть (Park, Lee, 2023). Эти результаты расширяют понимание остракизма, демонстрируя его влияние не только на мишени, но и на инициаторов, что подчеркивает его многогранную природу.

Теоретическое осмысление этой связи опирается на теорию социальной идентичности H. Tajfel и J.C. Turner, которая объясняет, как остракизм угрожает групповой идентичности, вызывая защитные реакции, и теорию принадлежности R.F. Baumeister и M.R. Leary, акцентирующую роль потребности в социальных связях (Baumeister, Leary, 1995; Tajfel, Turner, 1979). Нарушение этих фундаментальных аспектов приводит к компенсаторным или деструктивным формам поведения. Например, K.D. Williams с коллегами в экспериментах с использованием игры Cyberball показали, что исключенные участники демонстрировали повышенную агрессию в последующих задачах, что подтверждает активацию негативных эмоциональных состояний (Williams, Cheung, Choi, 2000).

Метаанализ C.H.J. Hartgerink с коллегами выявил устойчивую корреляцию между остракизмом и агрессивным поведением на основе 120 исследований, подчеркивая универсальность этого эффекта (Hartgerink et al., 2015). Так, остракизм выступает значимым катализатором антисоциального поведения, что требует разработки интервенций для минимизации его последствий в социальных и правовых контекстах.

Социальный остракизм в онлайн-средах

С развитием цифровых технологий остракизм все чаще проявляется в онлайн-средах, таких как социальные сети, виртуальные сообщества и игровые платформы, что делает его изучение актуальным направлением современной психологии. Цифровой остракизм, включающий игнорирование сообщений, исключение из онлайн-групп или блокирование, обладает схожими психологическими эффектами с традиционным остракизмом (оффлайн-остракизм, проявляющийся во взаимодействиях лицом к лицу), но отличается высокой скоростью распространения и масштабом воздействия (Akçay, Kayış, 2023; Chen et al., 2025; Ding, Zhao, Zhang, 2024; Telesca, Telari, 2024; Xing, Kuo, 2024).

Теория социальной информации G.R. Salancik и J. Pfeffer объясняет, как цифровая среда формирует восприятие социальных сигналов, а теория компьютерно опосредованной коммуникации J.B. Walther подчеркивает специфику онлайн-взаимодействий, где отсутствие невербальных подсказок усиливает чувство исключения (Salancik, Pfeffer, 1978; Walther,

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

1996). Цифровой остракизм отличается уникальными характеристиками: анонимность позволяет источникам действовать без социальных последствий, а широкий охват усиливает эмоциональный эффект. Например, исключение из группового чата может затронуть сотни людей одновременно, что многократно увеличивает воспринимаемую угрозу.

Вот уже более 20 лет одним из ключевых методов исследования является использование виртуальной игры *Cyberball*, которая моделирует социальное исключение в контролируемых условиях. A. Telesca, A. Telari в систематическом обзоре показали, что цифровой остракизм вызывает снижение самооценки, усиление негативных эмоций и чувство отвержения, аналогичные реальному исключению (Telesca, Telari, 2024). Этот инструмент позволяет точно измерять реакции участников и изучать механизмы цифрового остракизма.

Дополнительно, анализ данных социальных сетей представляет собой инновационный подход к исследованию этого явления. Z. Chen с коллегами предлагают использовать большие цифровые данные (англ., *big data*) для выявления паттернов цифрового остракизма, что помогает понять его динамику и масштабы распространения (Chen et al., 2025). Например, массовое игнорирование комментариев или исключение из чатов могут быть количественно измерены и проанализированы для оценки их психологических последствий. К анализу больших данных и поиску ранее не выявленных закономерностей всё чаще подключают ИИ (искусственный интеллект).

Исследование J. Xing и F. Kuo, проведенное с использованием опросного метода и моделирования, выявило, что киберостракизм связан с усилением агрессивного поведения среди студентов, особенно среди тех, кто характеризуется низкой самооценкой. Этот результат подчеркивает связь между цифровым исключением и антисоциальными проявлениями, указывая на потенциальные риски для психического благополучия и социальной адаптации в онлайн-пространстве (Xing, Kuo, 2024). A. Akçay и M. Kayış сосредоточились на образовательных аспектах, обнаружив, что киберостракизм снижает уровень обмена знаниями в онлайн-обучении. Этот эффект опосредован социальной тревожностью, что свидетельствует о том, что цифровой остракизм не только нарушает социальные взаимодействия, но и негативно сказывается на когнитивных процессах (Akçay, Kayış, 2023). Совокупность этих данных показывает, что последствия киберостракизма выходят за рамки традиционного социального взаимодействия, затрагивая также сферу образования и психического здоровья, что требует дальнейшего изучения и разработки превентивных мер.

Исследование H. Ding с коллегами показало, что киберостракизм среди подростков коррелирует с депрессией и кибербуллингом, подчеркивая его разрушительный потенциал (Ding, Zhao, Zhang, 2024). Эти результаты указывают на необходимость разработки специфических методов исследования и интервенций, адаптированных к цифровой среде. Цифровизация остракизма требует интеграции современных технологий в психологические исследования, что открывает новые горизонты для анализа его механизмов и последствий, особенно в контексте регулирования онлайн-взаимодействий.

Исследования викарного остракизма

Традиционно исследования остракизма фокусировались на его мишенях (объектах), тем не менее современные подходы смещают акцент на изучение источников (субъектов) и наблюдателей (так называемый «викарный остракизм»), что расширяет понимание социальной

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

динамики этого явления (Бойкина, Чиркина, 2020; Chen et al., 2025; Park, Lee, 2023; Sun, Hommel, Ma, 2023).

Y. Sun с коллегами показали, что наблюдение за остракизмом снижает чувство контроля у свидетелей, вызывая так называемый викарный остракизм, что указывает на его косвенное влияние на окружающих (Sun, Hommel, Ma, 2023). Z. Chen с соавторами отмечают, что наблюдатели могут испытывать эмпатию, чувство вины или страх быть тоже исключенными, что влияет на их поведение и социальные установки (Chen et al., 2025). Эти эмоциональные реакции подчеркивают, что остракизм затрагивает не только мишени, но и тех, кто становится свидетелем процесса.

J. Park и S.H. Lee обнаружили, что субъекты, инициирующие остракизм склонны проявлять антисоциальные черты, выражаясь, например, в демонстративном поведении, таком как выбор необычных потребительских предпочтений (Park, Lee, 2023). Это может быть связано с их стремлением к доминированию или попыткой компенсировать внутренние психологические конфликты. Такой подход позволяет рассматривать остракизм не только как механизм социального исключения, но и как отражение внутреннего состояния самих инициаторов, что открывает новые направления для изучения психологических основ этого явления.

Теория социальной власти J.R.P. French и B. Raven объясняет поведение субъектов остракизма через стремление к контролю, тогда как теория морального исключения S. Oplotow подчеркивает роль моральных установок в оправдании остракизма (French, Raven, 1959; Oplotow, 1990). Эти концепции помогают понять мотивацию инициаторов и реакции наблюдателей. Смещение фокуса выявляет сложные групповые взаимодействия: наблюдатели могут усиливать остракизм, поддерживая инициаторов, или противодействовать ему, в зависимости от эмоционального состояния и групповых норм.

Исследования викарного остракизма, проведенные E.D. Wesselmann, K.D. Williams и A.H. Hales, демонстрируют, что наблюдатели социального исключения переживают дискомфорт, аналогичный тому, который испытывает человек, подвергающийся остракизму, что угрожает их фундаментальным психологическим потребностям, таким как чувство принадлежности, самооценка, контроль и осмысленное существование. Факторы, усиливающие эффект викарного остракизма, включают принятие перспективы, уровень эмпатии и близость с человеком, подвергающимся остракизму (Wesselmann, Williams, Hales, 2013).

Смещение исследовательского акцента на источники и наблюдателей обогащает понимание этого явления, открывая пути для более эффективных интервенций, направленных на изменение групповой динамики и предотвращение исключения.

Кросс-культурные аспекты социального остракизма

Восприятие остракизма и реакции на него существенно варьируются в зависимости от культурного контекста, что подчеркивает важность кросс-культурных исследований. Культурные нормы, такие как коллективизм и индивидуализм, определяют, как индивиды интерпретируют и переживают социальное исключение. T. Jaubert с коллегами установили, что в коллективистских культурах остракизм воспринимается как более угрожающий из-за высокой ценности групповой принадлежности, вызывая сильные негативные реакции (Jaubert et al., 2024). В индивидуалистических обществах исключение может быть менее травматичным, так как акцент делается на личной автономии.

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

В коллективистских культурах, как отмечается в работе Y. Yan и соавторов, где приоритет отдается групповой гармонии и взаимозависимости, наблюдатели демонстрируют более высокую склонность к вмешательству в ситуации, когда кто-либо подвергается социальному исключению. Напротив, в индивидуалистических культурах, где ценится личная автономия и независимость, наблюдатели чаще остаются пассивными, воздерживаясь от активных действий. Эти различия подчеркивают контекстуальную природу остракизма, демонстрируя, что реакции на социальное исключение во многом определяются культурными нормами и ценностями, которые формируют социальное поведение индивидов (Yan., Zhu, Zhang, 2024).

Теория культурных измерений G. Hofstede и теория социальной ориентации H.C. Triandis объясняют, как коллективизм и индивидуализм формируют реакции на остракизм (Hofstede, 1980; Triandis, 1995). Например, восточноазиатские культуры демонстрируют более сильные эмоциональные реакции на исключение, что связано с акцентом на групповую гармонию (Markus, Kitayama, 1991). Это подтверждает гипотезу о культурной обусловленности восприятия остракизма. Понимание кросс-культурных различий необходимо для разработки интервенций, адаптированных к конкретным обществам, что повышает их эффективность в правовых и социальных контекстах. Кросс-культурный подход подчеркивает сложность остракизма и необходимость его контекстуального анализа для создания универсальных и локальных стратегий поддержки.

Влияние последствий субъективной остракизации на аффективную и когнитивную сферы

Остракизм оказывает значительное влияние на психическое здоровье, усиливая депрессивные состояния и нарушая когнитивные функции, такие как распознавание эмоций, концентрация внимания и память. Эти эффекты особенно выражены у уязвимых групп, таких как дети и подростки. H. Ding с коллегами установили связь между киберостракизмом, депрессией и кибербуллингом у подростков, показав, что исключение в онлайн-средах повышает риск депрессивных симптомов и агрессивного поведения, создавая порочный круг негативных взаимодействий (Ding, Zhao, Zhang, 2024).

Психологические последствия остракизма для мишеней включают снижение самооценки, эмоциональный дистресс и разрыв социальных связей. K.D. Williams с коллегами показали, что участники, исключенные в игре Cyberball, сообщали о значительном падении самооценки и чувстве отвержения (Williams, Cheung, Choi, 2000). C.H.J. Hartgerink в метаанализе подтвердил, что остракизм коррелирует с депрессией и тревогой, особенно при хроническом исключении (Hartgerink, 2015). Эти эффекты усиливаются у лиц с низкой психологической устойчивостью, что делает подростков особенно уязвимыми, учитывая их потребность в социальном принятии. Теория принадлежности R.F. Baumeister и M.R. Leary объясняет эти последствия нарушением базовой потребности в социальных связях (Baumeister, Leary, 1995). Хронический остракизм может привести к формированию негативного самовосприятия и стойких психологических расстройств, что требует адресных интервенций, таких, например, как когнитивно-поведенческая терапия (Eck, 2011).

Влияние контекста

Контекстуальные особенности остракизма проявляются в различных сферах жизни. E.S. Buhs с коллегами показали, что школьный остракизм связан с академическими трудностями и дистрессом, влияя на развитие ребенка (Buhs, Ladd, Herald, 2006). J. O'Reilly с коллегами выявили, что исключение на рабочем месте снижает производительность и

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

удовлетворенность трудом, увеличивая текучесть кадров (O'Reilly et al., 2014). Киберостракизм в социальных сетях усиливает изоляцию из-за анонимности и широкого охвата (Ding, Zhao, Zhang, 2024). Теория социальной экологии U. Bronfenbrenner подчеркивает, как контекст формирует проявления остракизма, требуя разных подходов к его смягчению (Bronfenbrenner, 1979).

Z. Chen с коллегами в своем исследовании отмечают, что остракизм может по-разному восприниматься в различных контекстах, включая рабочие места, школы и онлайн-среду (Chen et al., 2025). Так в профессиональной и образовательной сферах остракизм проявляется с особой остротой, оказывая значительное влияние на психологическое состояние и поведение индивидов. В рабочей среде остракизм ассоциируется с эмоциональным выгоранием и снижением производительности труда, причем эти эффекты смягчаются такими факторами, как организационная поддержка и уровень самооценки. Эти результаты подчеркивают, что институциональные контексты создают специфические вызовы, требующие адресных интервенций, таких как программы поддержки и укрепления инклюзивной культуры.

Профилактика остракизма

Стратегии предотвращения остракизма включают социальную поддержку и образовательные программы. F. Teng и Z. Chen показали, что поддержка близких снижает негативные эффекты исключения (Teng, Chen, 2012). Программы повышения осведомленности в школах и на рабочих местах предотвращают остракизм (Durlak et al., 2011). В теории резильентности A.S. Masten и теории социальной поддержки S. Cohen и T.A. Wills подчеркивается роль устойчивости и сети поддержки (Cohen, Wills, 1985; Masten, 2001). Примером служит программа “Circle of Friends”, снижающая остракизм через групповую поддержку (Frederickson, Warren, Turner, 2005).

Экспериментальное исследование Р.В. Чиркиной с соавторами подтвердило эффективность педагогической технологии «Умелый класс» в контексте развития социально-эмоциональных компетенций у детей младшего школьного возраста. Результаты эмпирической работы свидетельствуют о значимом прогрессе в формировании эмпатии, коммуникативных навыков и стратегий конструктивного разрешения конфликтов, что коррелирует с улучшением социальной динамики в детских коллективах. Авторы акцентируют внимание на том, что данные компетенции выступают предикторами субъективного переживания включенности и значимости в группе, снижая риски социальной эксклюзии (остракизма). Программа реализуется через систему структурированных занятий, направленных на целенаправленное развитие социальных навыков, и может рассматриваться как инструмент формирования инклюзивной образовательной среды (Чиркина и др., 2020).

В работе J. Tamplin-Wilson с коллегами проведен анализ реабилитационного потенциала видеоигр в контексте восстановления психологических последствий остракизма. В экспериментальной выборке ($n = 117$) с использованием метода симуляции ситуации остракизма Cyberball установлено, что игровые интервенции способствуют нормализации уровня субъективного благополучия, восстановлению чувства принадлежности и стабилизации самооценки у лиц, переживших ситуацию искусственной эксклюзии. Авторы подчеркивают, что полученные данные имеют значение не только для реабилитации, но и для профилактики остракизма: регулярное удовлетворение базовых социальных потребностей (включенность, признание) через образовательные программы и просоциальные интерактивные активности (в том числе видеоигры) способствует укреплению позитивных социальных связей и снижению рисков маргинализации (Tamplin-Wilson et al., 2019).

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

Обсуждение результатов

Полученные данные подтверждают, что остракизм, как в традиционных, так и в цифровых формах, выступает значимым фактором дезинтеграции социальных связей и активации антисоциальных поведенческих реакций. Выявленная связь между киберостракизмом и усилением агрессивных тенденций у подростков согласуется с выводами Е.Э. Бойкиной (2023) и метааналитическими данными С.Н.J. Hartgerink (2015), подчеркивающими универсальность негативных последствий исключения. Однако цифровая среда, как показали исследования Z. Chen (2025) и A. Telesca, A. Telari (2024), модифицирует эти эффекты за счет анонимности и масштаба воздействия, что требует дополнения классических теоретических моделей, таких как теория принадлежности (Baumeister, Leary, 1995), в контексте онлайн-взаимодействий.

Культурный контекст, как продемонстрировали T. Jaubert с коллегами (2024) и Y. Yan с коллегами (2024), играет ключевую роль в модуляции реакций на остракизм. Коллективистские общества, где групповая принадлежность имеет высшую ценность, демонстрируют более выраженный эмоциональный дистресс при исключении, тогда как в индивидуалистических культурах преобладают компенсаторные стратегии, включая агрессию. Эти данные расширяют рамки теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1979), акцентируя необходимость учета культурных норм при разработке интервенций.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании дифференцированных подходов к профилактике остракизма. Например, программы повышения осведомленности в образовательных учреждениях, предложенные F. Teng, Z. Chen (2012), могут быть адаптированы с учетом цифровых реалий, таких как кибербуллинг (Ding et al., 2024). Кроме того, интеграция психологических данных в правовые стратегии, включая регулирование онлайн-взаимодействий, способна снизить риски дезинтеграции социальных структур.

Ограничения работы связаны с преобладанием кросс-секционных исследований, что затрудняет установление причинно-следственных связей. Например, долгосрочные эффекты киберостракизма у детей, описанные Mermier J. с коллегами (Mermier et al., 2023), требуют лонгитюдного анализа. Кроме того, большинство работ фокусируется на дихотомии «коллективизм—индивидуализм», упрощая многообразие культурных контекстов. Перспективным направлением является изучение роли наблюдателей в цифровых средах, где их пассивность или активное противодействие могут усиливать или смягчать последствия исключения. Разработка алгоритмов на основе ИИ для выявления паттернов киберостракизма открывает новые возможности для превентивных мер. Одновременно необходимы сравнительные исследования, учитывающие этнические, языковые и социально-экономические различия, чтобы создать универсальные, но гибкие модели поддержки.

Представленные результаты подчеркивают необходимость междисциплинарного синтеза психологических, культурологических и правовых знаний для минимизации деструктивных последствий остракизма в условиях цифровой трансформации общества.

Заключение

Социальный остракизм предстает как динамический феномен, сохраняющий ядро — угрозу базовым потребностям — но трансформирующийся под влиянием культурных, технологических и эволюционных факторов. Его последствия варьируются от хронической депрессии до самосовершенствования, определяясь взаимодействием когнитивных оценок, нейробиологических особенностей и структурных условий среды.

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

Проведенный анализ современных исследований остракизма подтверждает его роль как многомерного социально-психологического феномена, оказывающего деструктивное влияние на индивидуальное благополучие и групповую динамику. Цифровая трансформация социальных взаимодействий усиливает масштабы и специфику исключения, что проявляется в росте кибербуллинга, депрессивных состояний и агрессии, особенно среди подростков. Культурный контекст определяет вариативность реакций: коллективистские общества демонстрируют повышенную эмоциональную уязвимость, тогда как индивидуалистические — склонность к компенсаторным стратегиям. Эти данные расширяют теоретические рамки классических моделей, таких как теория принадлежности и социальной идентичности, подчеркивая необходимость их адаптации к современным реалиям.

Перспективы дальнейших исследований связаны с преодолением методологических ограничений, таких как преобладание кросс-секционных данных, и углублением в изучение долгосрочных эффектов остракизма, особенно в цифровой среде. Актуальным остается анализ роли наблюдателей, чьи реакции могут как усугублять, так и смягчать последствия исключения. Разработка алгоритмов искусственного интеллекта для выявления паттернов киберостракизма открывает новые возможности для профилактики и исследований, но требует этического регулирования. Междисциплинарный синтез психологии, права и цифровых технологий представляется ключевым направлением для создания комплексных решений, направленных на укрепление социальной сплоченности в условиях глобализации.

Ограничения. Объем анализа аспектов социального остракизма ограничен объемом данной статьи. Ввиду широкой изученности данного феномена в зарубежных исследованиях, большая часть источников — иностранные. Российский кластер исследования сейчас находится в стадии активного формирования.

Limitations. The scope of analyzing aspects of social ostracism is limited by the framework of this article. Given the extensive study of this phenomenon in international research, the majority of sources cited are foreign. The Russian research cluster in this field is currently in an active phase of development.

Список источников / References

1. Бойкина, Е.Э. (2023). Социальный остракизм и антисоциальное поведение несовершеннолетних. *Психология и право*, 13(1), 119—134. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130109>
Boykina, E.E. (2023). Social Ostracism and Minors' Antisocial Behavior. *Psychology and Law*, 13(1), 119—134. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130109>
2. Бойкина, Е.Э., Чиркина, Р.В. (2020). Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования. *Психология и право*, 10(1), 152—164. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>
Boykina, E.E., Chirkina, R.V. (2020). Social Ostracism: Current State of the Problem, Methodology and Research Methods. *Psychology and Law*, 10(1), 152—164. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>
3. Мартынова, И.Р. (2016). Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних. *Психология и право*, 6(2), 41—56. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060204>
Martynova, I.R. (2016). Present-day foreign directions of researches of risk factors of unlawful

- behavior among minors. *Psychology and Law*, 6(2), 41—56. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060204>
4. Чиркина, Р.В., Бойкина, Е.Э., Койкова, К.С., Бригадиренко, Н.В., Стратийчук, Е.В., Тишкова, Ю.В., Чеботарев, И.В. (2020). Оценка профилактического потенциала технологии «Умелый класс» в формировании социально значимых навыков у детей. *Психология и право*, 10(4), 93—110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100407>
Chirkina, R.V., Boykina, E.E., Koikova, K.S., Brigadirenko, N.V., Stratiychuk, E.V., Tishkova, Yu.V., Chebotarev, I.V. (2020). Evaluation of the Preventive Potential of the Technology for the Formation of Socially Significant Children Skills in the Skillful Class-Method. *Psychology and Law*, 10(4), 93—110. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100407>
5. Akçay, A., Kayış, A.R. (2023). Cyberostracism and knowledge sharing: The mediating role of social anxiety in e-learning environments. *Journal of Educational Technology and Online Learning*, 6(1), 33—47. <https://doi.org/10.31681/jetol.1097719>
6. Baumeister, R.F., Leary, M.R. (1995). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 117(3), 497—529. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.117.3.497>
7. Beck, J.S. (2011). *Cognitive behavior therapy: basics and beyond*. Guilford Press.
8. Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development*. Harvard University Press.
9. Buhs, E.S., Ladd, G.W., Herald, S.L. (2006). Peer exclusion and victimization. *Journal of Educational Psychology*, 98(1), 1—13. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.98.1.1>
10. Chen, Z., Poon, K.T., Jiang, T., Teng, F. (2025). Psychosocial and behavioral consequences of ostracism. *Nature Reviews Psychology*, 4(1), 112—126. <https://doi.org/10.1038/s44159-024-00393-y>
11. Cohen, S., Wills, T.A. (1985). Stress, social support, and the buffering hypothesis. *Psychological Bulletin*, 98(2), 310—357. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.98.2.310>
12. Dickerson, S.S., Kemeny, M.E. (2004). Acute stressors and cortisol responses. *Psychological Bulletin*, 130(3), 355—391. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.130.3.355>
13. Ding, H., Zhao, C., Huang, F., Zhu, L., Wei, H., Lei, L. (2024). Cyber-Ostracism, Depression, and Adolescents' Cyberbullying Perpetration: A Cross-Lagged Panel Analysis. *Youth & Society*, 57(2), 351—373. <https://doi.org/10.1177/0044118X241301062>
14. Durlak, J.A., Weissberg, R.P., Dymnicki, A.B., Taylor, R.D., Schellinger, K.B. (2011). The impact of enhancing social and emotional learning. *Child Development*, 82(1), 405—432. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01564.x>
15. Frederickson, N., Warren, L., Turner, J. (2005). “Circle of Friends”—An Exploration of Impact Over Time. *Educational Psychology in Practice*, 21(3), 197—217. <https://doi.org/10.1080/02667360500205883>
16. French, J.R.P. Jr., Raven, B.H. (1959). The bases of social power. In: D. Cartwright (Ed.), *Studies in social power* (pp. 150—167). Ann Arbor, MI: Institute for Social Research.
17. Hartgerink, C.H.J., van Beest, I., Wicherts, J.M., Williams, K.D. (2015). The ordinal effects of ostracism. *PLoS ONE*, 10(5), Article e0127002. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0127002>
18. Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences*. Sage Publications.
19. Jaubert, T., Benchaib, I., Chekroun, P., Légal, J.-B. (2024). The effect of intergroup ostracism on identity and affective responses: Exploring the role of perceived discrimination. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 28(2), 71—81. <https://doi.org/10.1037/gdn0000216>

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании острекизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

20. Lazarus, R.S., Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. Springer.
21. Lei, Y., Li, M., Lin, C., Zhang, C., Yu, Z. (2024). The effect of ostracism on social withdrawal behavior: the mediating role of self-esteem and the moderating role of rejection sensitivity. *Frontiers in Psychology*, 15, Article 1411697. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1411697>
22. Markus, H.R., Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98(2), 224—253. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.98.2.224>
23. Masten, A.S. (2001). Ordinary magic: Resilience processes. *American Psychologist*, 56(3), 227—238. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.56.3.227>
24. Mermier, J., Quadrelli, E., Bulf, H., Turati, C. (2023). Ostracism modulates children's recognition of emotional facial expressions. *PLoS One*, 18(6), Article e0287106. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0287106>
25. O'Reilly, J., Robinson, S. L., Berdahl, J. L., Banki, S. (2014). Is Negative Attention Better Than No Attention? The Comparative Effects of Ostracism and Harassment at Work. *Organization Science*, 26(3), 774—793. <https://doi.org/10.1287/orsc.2014.0900>
26. Opotow, S. (1990). Moral exclusion and injustice. *Journal of Social Issues*, 46(1), 1—20. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1990.tb00268.x>
27. Pang, C., Wang, T.Y., Lin, J. (2024). Being close or being alone: How Social ostracism affects solitude preference. *British Journal of Social Psychology*, 63(4), 1787—1803. <https://doi.org/10.1111/bjso.12753>
28. Park, E., Lee, S.H. (2023). Ostracizing sources avoid communal tastes: Effect of ostracizing behaviour on extraordinary consumption. *International Journal of Consumer Studies*, 47, 1173—1188. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12896>
29. Telesca, A., Telari, A., Consonni, M., De Panfilis, C., Riva, P. (2024). On the other side of ostracism: a systematic literature review of the cyberball overinclusion condition. *Cogent Psychology*, 11(1), Article: 2336362. <https://doi.org/10.1080/23311908.2024.2336362>
30. Salancik, G.R., Pfeffer, J. (1978). A Social Information Processing Approach to Job Attitudes and Task Design. *Administrative Science Quarterly*, 23(2), 224—253. <https://doi.org/10.2307/2392563>
31. Sun, Y., Hommel, B., Ma, K. (2023). Vicarious ostracism reduces observers' sense of agency. *Consciousness and Cognition*, 110, Article 103492. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2023.103492>
32. Tajfel, H., Turner J.C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In: W.G. Austin, S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33—37). Monterey, CA: Brooks/Cole.
33. Tamplin-Wilson, J., Smith, R., Morgan, J., Maras, P. (2019). Video games as a recovery intervention for ostracism. *Computers in Human Behavior*, 97, 130—136. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.03.008>
34. Teng, F., Chen, Z. (2012). Does social support reduce distress caused by ostracism? It depends on the level of one's self-esteem. *Journal of Experimental Social Psychology*, 48, 1192—1195. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2012.03.014>
35. Triandis, H.C. (1995). *Individualism and collectivism*. Westview Press.
36. Walther, J.B. (1996). Computer-mediated communication. *Communication Research*, 23(1), 3—43. <https://doi.org/10.1177/009365096023001001>

Егоров Ф.А. (2025)
Актуальные социально-психологические подходы
в исследовании остракизма
Психология и право, 15(3), 179—192.

Egorov F.A. (2025)
Current socio-psychological approaches
in the study of ostracism
Psychology and Law, 15(3), 179—192.

37. Wesselmann, E.D., Williams, K.D., Hales, A.H. (2013). Vicarious ostracism. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, Article 153. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00153>
38. Williams, K.D., Cheung, C.K.T., Choi, W. (2000). Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology*, 79(5), 748—762. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.5.748>
39. Xing, J., Kuo, F. (2024). The impact of cyberostracism on aggressive behavior in students. *Frontiers in Psychiatry*, 15, Article 1393876. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1393876>
40. Yan, Y., Zhu, T., Zhang, D. (2024). The impact of observed ostracism. *Acta Psychologica*, 250, Article 104522. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2024.104522>

Информация об авторах

Фёдор Андреевич Егоров, педагог-психолог, социальный педагог, Специальная (коррекционная) школа № 1708 (ГБОУ Школа № 1708); аспирант факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0660-4726>, e-mail: kof2001@mail.ru

Information about the authors

Fyodor A. Egorov, Educational Psychologist, Social Teacher, Special Correctional School № 1708; Postgraduate Student of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0660-4726>, e-mail: kof2001@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.06.2025
Поступила после рецензирования 20.06.2025
Принята к публикации 30.06.2025
Опубликована 30.09.2025

Received 2025.06.01
Revised 2024.06.20
Accepted 2024.06.30
Published 2025.09.30